

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

**РАЗГОВОРИТЬ
ХВОРОСТОВСКОГО –
ЗАДАЧА НЕПРОСТАЯ.
ОН КАКОЙ-ТО
ДРУГОЙ,
НЕЗДЕШНИЙ.**
Не иностранец
даже – хоть прожил
за границей много
лет, да и сейчас
обитает в Лондоне,
а... инопланетянин,
что ли. Инопланетная
внешность,
инопланетный
смех, инопланетное
самоуверенное. Хотя...
Наверное, и не стоит
общим аршином
мерить гениев.
А его ведь по-другому
и не называют.

Дмитрий
Хворостовский

ТАЙШНА

белого мага

Беседовал Дмитрий Тульчинский

Знаменитый певец, голос которого притягивает зрителей, а пуще зрительниц, как магнит, у нас не частый гость. Хворостовский — птица вольная и перелётная: сегодня в Нью-Йорке, завтра в Милане. Но вот, наконец, и в Москве. Открытая улыбка, серебряная грива, узкие джинсы, кожаная жилетка и чёрные замшевые казаки. Таких оперных певцов днём с огнём не сыщешь...

— **Дмитрий, выглядите как настоящий рокер. Это вам свойственно?**

— А как бы вы хотели, чтобы я одевался?.. Это я так по-еврейски вопросом на вопрос отвечаю (смеётся).

— **Да нет, у меня на этот счёт желаний быть не может. Просто все привыкли, что оперные певцы — сама солидность, а вы так неформально выглядите.**

— Ну, такой уж есть. Хотя, в общем-то, солидный человек (смеётся).

— **50 лет, извините за напоминание, вам недавно исполнилось. Как к этой цифре относитесь?**

— Мои года — моё богатство.

— **Многих мужчин эта цифра пугает. Круглая, определяющая, рубиконовая. Жизнь наполовину (дай Бог) прожита, начинаются всякие сомнения, переживания, кризис среднего возраста...**

— Нет, кризисы, они раньше начинаются. И у меня как-то гладко всё прошло.

— **Как раз и напоминаете мужчину в кризисе среднего возраста. Когда он хочет казаться моложе, разводится со старой женой...**

— Это я уже сделал (смеётся). Нет, вы знаете, в свои 50 я очень многое уже успел. Даже если вдруг возьму и умру сейчас — сделано достаточно, чтобы оставить след и добрую память о себе. Так что я абсолютно ничего не боюсь.

«Я ВСЕГДА ЗНАЛ СЕБЕ ЦЕНУ»

— **В 20, когда думали о 50-летних, они вам казались глубокими стариками?**

— Конечно.

— **Хворостовский в 20 лет и сейчас — два разных человека?**

— Наверное. Жизнь воспитала за эти 20-30 лет, жизнь и работа. Но было бы странно, если бы я не изменился. В 20 лет я был достаточно неуверен в себе, восполнял это жесткостью, заносчивостью... Я всегда знал себе цену, понимал, что у меня есть то, чего нет у многих миллионов людей, всегда имел перед собой цели, к которым стремился, которых привык добиваться. В этом отношении я абсолютно не изменился — до сих пор ставлю перед собой цель, её добиваюсь. И если не получается, так же переживаю, как раньше... Если человек знает себе цену, он спокоен. А я всегда был спокойным, никогда не суетился. Знал, что у меня есть перспектива, не сомневался в том, что рано или поздно смогу всего достичь. Мои цели ставились и развивались постепенно, я не хотел завоевать весь мир в свои 20 лет. Но я захотел его завоевать в 25, потому что уже видел этот горизонт. Когда начал побеждать на конкурсах, почувствовал разницу в том, что делаю я и что делают другие. Это не видеть и не замечать невозможно — правда же? Так же, как и, слушая записи каких-то известных певцов, я мог почувствовать в свои 25, что умею петь хорошо, может быть, даже лучше, чем многие другие. Но сейчас я абсолютно объективно оцениваю свои данные, свои возможности по отношению к себе же 20-25-летнему. Какие-то вещи пытаюсь повторять — скажем, записываю те же романсы, которые пел когда-то. И понимаю, что так, как 20 лет назад, я это сделать не могу.

— **Так хорошо или так плохо?**

— Нет, я сделаю по-другому. Но так чисто, так... по-ангельски, что ли, — да, хотелось бы, но спеть уже не смогу.

— **А в чём в свои 20 лет вы больше всего заблуждались, как думаете?**

— У меня было много заблуждений, я заблуждаюсь и теперь. В чём больше всего? Ну, как обычно это бывает, любой талант склонен себя преувеличивать. В прямом и переносном смысле.

— **В период юношеского максимализма больше всего.**

— Я начал петь в опере в 21 год — это уже не юношество, правда? В юности пел в рок-группе, соответственно представлял себя в несколько другом амплуа — уже, честно говоря, не помню, о чём тогда думал. А в 21 год — да, себя переоценивал: хотел исполнять репертуар, который мне тогда был неподвластен, соответственно делал технические ошибки.

— **Я читал, что на одну планку с собой в то время вы ставили только Карузо и Паваротти.**

— Я их не перечислял никогда, но, если хотите, вам перечислю тех, кого ещё ставил? (Смеётся.)

— **Думаю, перечисление много времени не займёт.**

— Ну почему?.. Хотя больших, великих певцов действительно не так много.

— **Но насчёт Карузо и Паваротти — это заблуждение 20-летнего Хворостовского или 50-летний Хворостовский думает так же?**

— Разница в том, что сейчас я о сравнении с другими певцами не думаю. Об этом думают люди, которые начинают, которые ищут, стремятся чего-то достичь. А я стремлюсь сейчас к совершенно другим вещам.

— **Только к самосовершенствованию?**

— Конечно. Вы, наверное, слышали, что настоящий талант всегда один?

— **Но вас с вашей улыбкой, с вашей харизмой, вашим обаянием к одиночкам приписать сложно. Внутренне вы одинокий человек?**

— Наверное. Мне нравится одиночество. Наедине с самим собой я могу оставаться самим собой и заниматься тем, что мне действительно близко.

«КОГДА Я ПЕЛ, ЛЮДИ ПЛАКАЛИ»

— **Если вернуться в рокерскую юность, тогда у вас какие были кумиры, ориентиры?**

— Я не помню.

— **То есть это были не вы?**

— Практически да, практически это был совершенно другой человек.

— **И вам неприятно вспоминать ту пору?**

— Да нет. Я просто не помню. Может быть, не помню, потому что сейчас мне это не нужно. Может быть, придёт время, когда начну вспоминать, а может быть, оно уже пришло. Я не знаю, просто не задумываюсь об этом...

— **Но это не является для вас чем-то неловким — воспоминания о себе том?**

— Вы знаете, о себе я не то что не вспоминаю — вообще практически не думаю. Я думаю о чём-то другом, конкретном. Прежде всего о людях, которых люблю, о своей работе, которую мне предстоит сделать, я анализирую, я... мечтаю, что ли. А о себе? Крайне редко. И не люблю об этом говорить — очень интимные вещи.

— **Можете тогда сказать, какое воспоминание из юности наиболее приятно вам?**

— Какие-то наши семейные собрания, сборища. Потому что, пока дедушка, отец папы, был жив, мы очень часто весело проводили время. Собирались, да и вообще жили очень дружно. После того как дедушки не стало, наша семья распалась. И это в принципе не уникальный пример — часто так происходит... Я вспоминаю свою бабушку, с которой рос, мать моей мамы. И воспоминания о ней вызывают и ностальгию, и улыбку, и боль... Но чаще улыбку... Интересно, что моей жене (она итальянка) через меня каким-то образом передались некоторые словосочетания, которые были присущи моей бабушке, — а она у меня была наполовину немка, но родившаяся и выросшая в сибирской деревне. И этот сибирский говор, эти обороты словесные, очень острые иногда, — каким-то образом трансформировались в моей Флоранс, Флоше. Когда слышу это от неё, мне так приятно становится — просто чувствую, что если моя баба где-то там, она видит нас, следит за нами... Вот такие вещи мне нравится вспоминать. А что касается профессии — да, конечно, я хорошо помню и первые свои опыты пения, самые-самые первые. Потому что пение всегда для меня было очень особенным процессом. Не звукоизвлечение, а именно пение. В 20 лет через пение я не выражал свою душу, не было ничего у мальчика ни в голове, ни на душе — что там могло быть? Но когда я пел, люди плакали уже тогда. Почему — не знаю. Был дар...

— **Люди плачут до сих пор, особенно женщины — об этом вообще легенды ходят.**

Скажите, вы никогда не пожалели о том, что не согласились пойти стажёром в Большой театр?

— А представляете, что бы было, если б я пошёл в Большой театр? Я перед вами бы тут не сидел (хохочет).

— **Вы так считаете, серьёзно? Были бы настолько недосягаемым и неприступным?**

— Да нет, я перед вами бы не сидел, потому что к сегодняшнему дню уже бы спелся. И никакой карьеры сейчас у меня бы не было.

— Сейчас, предположим, вы это понимаете. А тогда как можно было отказаться от приглашения в Большой?! Думаю, вас никто не понял...

— Да нет, я и тогда видел перед собой цель и знал, что должен делать. Как раз тогда я был очень упрям. И, в общем, себе на уме. И когда мне предложили место стажёра, а я уже был достаточно известным артистом Красноярского театра оперы и балета...

— И что такое стажёр?

— Да: что такое стажёр? Тогда отчасти меня это даже оскорбило. Потом с руководством Большого театра мы говорили и о разовых спектаклях — чтобы я участвовал в них просто как приглашённый артист. На чём сговорились. Но, к сожалению, меня никто никогда больше туда не приглашал. Что ж, хозяин — барин.

— Так, может, всё ещё впереди?

— А как же! Как говорят, баритон как хорошее вино — чем старше, тем лучше. Так что я могу ещё подождать. Несколько лет.

— Вы знаете, Лев Лещенко очень доволен тем, что в своё время не пошёл в оперу, сейчас говорит: оперные певцы репертуарных театров используют свой голос на полную катушку, на износ, и быстро сходят, а на эстраде можно петь хоть до 80. Может быть, по той же причине избегаете репертуарных театров?

— А зачем мне репертуарный театр, скажите, пожалуйста?

— Звезда Большого театра Дмитрий Хворостовский, звезда Мариинского — звучит!

— Спасибо. Но репертуарных театров в мире не существует, это пережиток прошлого.

— У нас этот пережиток имеется.

— Он скоро уйдёт.

— Вы тогда ещё об этом знали?

— Если этот пережиток ещё не ушел, то он уйдет, рано или поздно, однозначно в этом уверен. А потом, репертуарным театром я к тому времени уже наелся, знал, что это такое, поэтому и отказался.

«Я УЕХАЛ НЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ»

— Актриса Анастасия Вертинская, давным-давно ушедшая из МХАТа, говорит: всё, что касается репертуарного театра, всё, что касается театра как Дома, она просто ненавидит. Потому что коллектив и Вертинская — понятия диаметрально противоположные. Вы со своей любовью к одиночеству про себя так же можете сказать?

— Да, наверное. Просто я себя не мыслю в репертуарном театре. Помню же, как в Красноярске создавался наш театр оперы и балета. Молодых певцов со всего Советского Союза позвали, пригласили. Дали им квартиры, дали работу, дали зарплаты. И люди были счастливы: дружили, любили друг друга. А через некоторое время то место, где все они жили, знаете, как называлось?

— Гадюшник?

— Нет, хуже — серпентарий! То есть все эти люди работали вместе, жили. Разумеется, стали образовываться кланы, появилась зависть. И спустя какое-то время люди возненавидели друг друга, дружеские отношения превратились во вражду. Представляете, какой ужас начался? Это все происходило на моих глазах...

— Вас должны были ненавидеть самой лютой ненавистью.

— Нет, я был самый маленький, самый любимый и нелюбимый... Нет, наверное, всё же больше любимый. Могу долго перечислять имена тех людей, которые мне по-настоящему помогли, просто водили за ручку и за нос по сцене, объясняя те вещи, которые объяснять больше никто и никогда не будет. Это такая привилегия, такой аванс на всю жизнь! Поэтому я сейчас здесь с вами сижу и радуюсь.

— Эти люди не отговаривали вас от отъезда за границу?

— Никто меня не отговаривал. И даже если бы отговаривали, всё равно я бы сделал по-своему. Меня в детстве мама звала Мальчик наоборот, я таковым и оставался долгое время. Каким-то образом я всегда знал, что мне нужно.

— Да, в 90-е здесь делать было нечего, даже солисты Большого театра получали сущие гроши, а в Америке была перспектива. Ехали туда без опаски?

— Да в общем, я пребывал тогда в некоторой эйфории. А потом, не уезжал ведь насовсем. Я приезжал в Москву, до 92-го или 93-го года мы жили здесь с моей первой семьей. А потом уехали...

даже не по моей инициативе. Мне пришлось послушать свою жену — сложились обстоятельства такие. А я совершенно не хотел уезжать, мне здесь было абсолютно комфортно. Конечно, время было дикое и страшное. Но я родом из Сибири, и в принципе меня мало чем можно удивить: я не боялся — боялась моя жена. А у меня здесь начались тогда разные проекты, постановка «Дорога», куда попали, по-моему, все сливки московского общества и после которой я перестал ездить в метро, перестал ходить один. Я приходил на базар — и мне бесплатно давали просто килограммы мяса, в это голодное время люди почитали за честь вырезать мне лучшие куски. Представляете, подзывали: «Дорога! Иди сюда», пожимали мне руку, хлопали по плечу. Правда, было такое. И какая-то эйфория была. Я тогда очень много пил, жизнь мне казалась просто прекрасной, великолепной. Была интересная работа, была куча разных интересных идей! Мне было очень интересно жить, хорошо и привольно. Я считал себя просто Богом. По меньшей мере. Тогда были Кашиповский, Чумак. Но на моих концертах люди тоже так делали (вращает головой).

— Я помню то время, все вокруг только о вас и говорили. Как можно было от такой любви уезжать?

— Как говорят: нет пророка в своём отечестве. А я им оказался. Но, в принципе, я никуда не уезжал. Я работал. И получил свободу: как нормальный артист, принадлежал самому себе и своей карьере. Были люди, которые годами не видят свою родину, а некоторые и не хотят сюда возвращаться — вот это тяжело. А у меня всё хорошо.

— Теперь ваш дом в Лондоне. Англичанином по своему менталитету не стали?

— Я?! Нет, ну какой я англичанин?

— А кто: сибиряк, ставший денди лондонским?

— Нет, во-первых, я не похож на денди лондонского. Да и на «валенка» тоже не похож. Что получилось, то и получилось — не знаю, что вышло в результате, то, что сидит перед вами, — это такой синтез и прожитых лет, и работы...

«СЛУЧИЛАСЬ НАСТОЯЩАЯ ЛЮБОВЬ»

— Но почему про менталитет спросил — вы как-то сказали, что в Лондоне с русскоязычной диаспорой не общаетесь...

— Да я вообще мало с кем общаюсь. Я общаюсь со своей семьёй, на которую наглядеться не могу. Мне не нужно общаться именно с диаспорой — говорю на многих языках, везде чувствую себя в своей тарелке, так что у меня нет причины разыскивать соотечественников, чтобы излить душу. У меня в этом плане всё в порядке, я нахожусь в балансе и гармонии.

— Одно время в жёлтой прессе писали, что вы близки к разводу с Флоранс именно потому, что вам не хватает русской души в ней.

— Первый раз слышу. Вообще, я сомневаюсь, что в этом есть какая-то доля правды, не знаю, откуда люди берут такие нонсенсы, я абсолютно не в ответе за их домыслы и говорить об этом не хотел бы.

— Вообще о личной жизни не особо любите говорить?

— А чего о ней говорить? Зачем? И что бы вы хотели узнать?

— Когда вы познакомились с Флоранс, детям от первого брака было по два года. Вы, как однажды рассказывали, всячески противились новой любви, но каким-то образом она оказалась выше вас. Можете сказать, что это не ваша заслуга или вина, а заслуга или вина Флоранс, что связали свою жизнь с ней?

— Возможно. Просто случилось то, что случается с миллионами других людей. Случилась настоящая любовь, и чувство это мы несём до сих пор. А вот это как раз очень большая редкость. Вообще, любовь — это чувство, которое требует очень большой работы. Для того, чтобы сохранялись отношения, нужно очень-очень долго и тяжело работать. И прежде всего это, конечно, работа женская.

— Можно сказать, что Флоранс ради вас пожертвовала собственной карьерой?

— Можно всё что угодно сказать. Конечно, такая красивая и талантливая женщина достойна и сцены, и обожания, и почитания. И я чувствую в некотором роде свою вину за то, что этого не произошло.

— А почему вы ставите здесь точку? Ведь всё ещё может измениться. Или с семьёй это не сочетается?

— Может, конечно. И Фло об этом думает, она пытается, она поёт. Ей это нравится — вот что самое

главное. Но, конечно, карьера делается на корню: или карьера, или ничего — правда же? А полумер для меня, даже теперешнего, не бывает. Для нее, может, и есть, а для меня точно нет.

— **Её жизнь полностью подчинена вам? Ваше расписание, ваше питание, ваш досуг?**

— Нет, это всё моя свобода, но в принципе вся наша семейная жизнь строится Фло.

— **Вообще, часто говорят, что мужчину делает женщина. Это ваш случай?**

— Абсолютно. И я совершенно счастливый человек, потому что намеренно отдаю бразды правления жене, зная, что ей это приятно. Могу тоже этим заниматься, но понимаю, что она сделает лучше — у неё очень хорошо, красиво и элегантно получается, и я просто уже начинаю к этому привыкать. А с другой стороны, к строительству семейного уклада она относится не как к работе, не как к обязанности какой-то — ей это очень интересно. Когда видит меня на сцене, она сопереживает, она чувствует и любит меня такого, какой я есть, продолжает меня любить и уважать за то, что я делаю. А это очень большая редкость. Потому что со временем у супругов, даже у артистов, чаще всего чувства стачиваются, уходит уважение, почитание, любовь. А у нас ничего не уходит. И уважение ко мне как к творческой личности у нее ни капельки не нивелировалось. Это чудо большое! Поэтому я говорю, что в своей личной жизни очень счастлив. По-настоящему отдавая себе отчёт в том, что это такое.

— **У вас есть какие-то обязанности по дому, или скучный быт вас не касается?**

— Конечно, есть. Я, может быть, далеко не всем занимаюсь — опять же, потому что Флоранс очень деликатным образом обставляет всё вокруг. Но я очень люблю быть дома, и мои обязанности в основном связаны с детьми. Дети у нас чудные, уникальные, красивые. Они просто выращены в любви, а это великая вещь.

— **Но они редко видят вас, наверное?**

— Тем более. Большое видится на расстоянии, и любовь тоже.

— **Папа для них — всегда праздник, он добрый, мягкий?**

— Я практически никогда не повышаю голос.

— **Бережёте?**

— Я берегу своих детей, потому что они очень тонкие люди. Да и вообще, потому что они люди. И просто так, ради воспитания повышать голос? Один раз я попробовал и почувствовал себя последним негодяем. Думаю, больше этого делать не буду, не хочу. Да и не надо...